

Танана Анастасия Тадеушевна
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк

БАРОЧНЫЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ Х.Г. ФОН ГОФМАНСВАЛЬДАУ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности творчества немецкого поэта Христиана Гофмана фон Гофмансвальдау (Ch. H. von Hoffmannswaldau, 1617–1679). Сравнивается его лирика с поэзией Мартина Опица (Martin Opitz, 1557–1639), представителя раннего барокко. Анализируются характерные черты стихотворений Гофмансвальдау, барочные мотивы и образы, его интерес к изобразительно-выразительным средствам. Особое внимание уделяется теме смерти и бренности жизни, которые являются ключевыми для творчества поэта.

Ключевые слова: Гофмансвальдау, барокко, *vanitas*, *memento mori*, *carpe diem*, антитеза.

Abstract. The article examines the features of creativity of the German poet Christian Hoffmann von Hoffmannswaldau (1617–1679). His lyric poetry is compared with that of Martin Opitz (1557–1639), a representative of early baroque. The characteristic features of Hoffmannswaldau's poems, baroque motifs and images, and his interest in pictorial and expressive means are analyzed. Particular attention is paid to the themes of death and the transience of life, which are key to the poet's work.

Keywords: Hoffmannswaldau, baroque, *vanitas*, *memento mori*, *carpe diem*, *antithesis*.

Во второй половине XVII века ведущую роль в немецкой лирике занимает представитель второй силезской школы поэтов – Х.Г. фон Гофмансвальдау. На его стиль оказала влияние поэзия Дж. Марино (*Giambattista Marino*, 1569–1625), одного из крупнейших представителей итальянского барокко. Гофмансвальдау перенял у него галантный стиль повествования, манерность, причудливые стихотворные формы. Следуя традициям маринизма⁴⁰, поэт чрезмерно использовал разнообразные стилистические приёмы (анафоры, антитезы, эпитеты, оксюморны и др.), что послужило в XVIII в. поводом для критики [1].

⁴⁰ Барочный литературный стиль, получил название по имени поэта Джамбаттиста Марино.

Большим количеством замысловатых метафор наполнен сонет «Быстротечность красоты» (*Vergänglichkeit der Schönheit*, 1695)», который схож по тематике и проблематике со стихотворением Мартина Опица⁴¹ «Любовь моя, не медли» (*Ach Liebste, lass uns eilen*): оба автора пишут о преходящести женской красоты.

«Любовь моя, не медли»

«Der edlen Schönheit Gaben
Fliehn Fuß für Fuß,
Daß alles, was wir haben,
Verswinden muss.
Der Wangen Zier verbleicht
Das Haar wird greis,
Der Äuglein Feuer weicht,
Die Brunst wird Eis.
Das Mündlein von Korallen
Wird ungestalt,
Die Händ als Schnee verfallen,
Und du wirst alt» [3, S. 61].

«Благородные дары красоты
погибнуть друг за другом
Все то, что у нас есть
исчезнет
Краса щек потускнеет
Волосы поседеют
Огонь в наших глазах померкнет
Тепло превратиться в лед
Коралл губ
станет некрасивым
Руки превратятся в снег
И ты постареешь⁴²».

«Быстротечность красоты»

«Es wird der bleiche Tod mit seiner kalten Hand
Dir endlich mit der Zeit um deine Brüste streichen
Der liebliche Corall der Lippen wird verbleichen;
Der Schultern warmer Schnee wird werden kalter
Sand
Der Augen süßer Blitz, die Kräfte deiner Hand,
Für welchen solches fällt, die werden zeitlich
weichen.
Das Haar, das itzund kan des goldes glantz
erreichen
Tilget endlich Tag und Jahr als ein gemeines Band»
[4].

«Бледная смерть своей холодной рукой
Со временем, наконец, прикоснется к твоей
груди
Сладкий коралл твоих губ потускнеет
Теплый снег твоих плеч превратится в холод-
ный песок
Сладкая игра твоих глаз, сила твоей руки
Все это со временем исчезнет
Волосы, которые сейчас сияют золотым блес-
ком
Превратятся в какой-то день в безобразный
клочок».

⁴¹ Немецкий поэт первой половины XVII в., считается «отцом» немецкой поэзии, выступал за сочинительство на родном языке [2, с. 453].

⁴² Здесь и далее перевод наш. – А.Т.

Оба стихотворения перекликаются между собой. Авторы описывают одни и те же черты внешности: волосы («Das Haar wird greis» / «Das Haar, das itzund kan des goldes glantz erreichen // Tilget endlich Tag und Jahr als ein gemeines Band»); глаза («Der Äuglein Feuer weichet» / «Der Augen süsser Blitz»); рот и губы («Das Mündlein von Korallen // Wird ungestalt» / «Der liebliche Corall der Lippen wird verbleichen»). Гофмансвальдау словно берет «сухое» стихотворение Опица и наполняет его вычурными стилистическими средствами. Он использует эпитеты (der bleiche Tod, der leibliche Corall, der wohlgesetzte Fuß⁴³, die lieblichen Gebärden⁴⁴), антитезы (Der Schultern warmer Schnee wird werden kalter Sand), оксюмороны (der warme Schnee, der kalte Sand), метафоры (der Augen süsser Blitz, der Gottheit deiner Pracht⁴⁵), аллитерацию (des Goldes Glanz).

Сонет Гофмансвальдау написан в духе мотива *memento mori*⁴⁶. Во втором стихе поэт использует слово «endlich»⁴⁷ и тем самым описывает смерть не как что-то мучительное, а как освобождение, искупление, в то время как земная жизнь предстает лишь как испытание для лучшей жизни в будущем. В последнем терцете писатель напоминает о всеобщей преходящести:

«Diß und noch mehr als diß muß endlich untergehen.
Dein hertze kan allein zu aller zeit bestehen.
Dieweil es die natur aus diamant gemacht» [4].
«Все это, в конце концов, погибнет
И только сердце будет жить вечно
Потому что природа создала его из алмаза».

Сердце здесь символизирует человеческую душу. Гофмансвальдау сравнивает его с алмазом и указывает, таким образом, на тленность тела и бессмертность души.

Образ женщины встречается и в другом сонете поэта – «Описание совершенной красоты» (*Beschreibung vollkommener Schönheit*). В катренах Гофмансвальдау акцентирует внимание на внешности девушки и восхваляет ее:

«Ein haar so kühnlich trotz der Berenice spricht
Ein mund / der rosen führt und perlen in sich heget
Ein zünglein / so ein gifft vor tausend hertzen träget
Zwo brüste / wo rubin durch alabaster bricht

⁴³ «хорошо поставленная нога».

⁴⁴ «милые жесты».

⁴⁵ «божественность твоего великолепия».

⁴⁶ Лат. «помни о смерти».

⁴⁷ «наконец».

Ein hals / der schwanen-schnee weit weit zurücke sticht
 Zwey wangen / wo die pracht der Flora sich beweget
 Ein blick / der blitze führt und männer niederleget
 Zwey armen / derer krafft offt leuen hingericht» [4].
 «Волосы, столь смелые, вопреки тому, что говорит Береника
 Рот, который хранит в себе розы и жемчуг
 Язычок, который несет яд для тысячи сердец
 Две груди, где рубин прорывается сквозь алебастр
 Шея, которая лебединый снег оставляет далеко-далеко позади
 Две щеки, где движется великолепие Флоры
 Взгляд, который пронзает молниями мужчин
 Две руки, чья сила зачастую казнит мужчин».

Все стихотворение укладывается в одно предложение, построенное на перечислении. Поэт строит сонет на синтаксическом параллелизме – каждый стих имеет схожую структуру: автор называет внешнюю черту девушки и описывает ее. Гофмансвальдау использует олицетворения (Ein zünglein / so ein giffit vor tausend hertzen trägt; wo rubin durch alabaster bricht; Ein blick / der blitze führt und männer niederleget), эпитеты (Ein haar so kühnlich), метафоры (die pracht der Flora), гиперболы (ein giffit vor tausend hertzen).

В терцетах акцент смещается на духовные качества девушки:
 «Ein hertz / aus welchem nichts als mein verderben quillet
 Ein wort / so himmlisch ist / und mich verdammen kan
 Zwey hände / derer grimm mich in den bann gethan
 Und durch ein süßes giffit die seele selbst umhüllet
 Ein zierrath / wie es scheint / im paradieß gemacht
 Hat mich um meinen witz und meine freyheit bracht» [4].
 «Сердце, из которого не просачивается ничего кроме моей гибели
 Слово, такое ангельское, что может проклясть меня
 Две руки, чей гнев околдовывает меня
 И сладостным ядом окутывает мою душу
 Краса, которая, кажется, создана в раю
 Лишила меня остроумия и свободы».

Данные строфы построены на антитезе: женщина для лирического героя одновременно ангельское и дьявольское создание, спасительница души и олицетворение проклятия. Поэт использует метафору «ein süßes giffit» («сладкий яд»)

и тем самым подчеркивает двойность женского образа. Кроме того, в сонете упоминается образ иудейской царицы Береники (*Ein haar so kühnlich trotz der Berenice spricht*), которая известна своими многочисленными любовными связями: брак с дядей, кровосмесительная связь с братом, роман с императором Титом [5]. Таким образом, Гофмансвальдау подчеркивает, какой умопомрачительной и опасной может быть женщина для мужчины.

В стихотворении «Мир» (*Die Welt*, 1679), которое было опубликовано спустя 30 лет после окончания войны, Гофмансвальдау, подобно своим предшественникам, задумывается, что представляет собой окружающий мир. Несмотря на то, что военные события остались позади, люди по-прежнему вели брэнное существование и искали смысл жизни:

«Ein schnöder Schein in kurzgefaßten Grenzen,
Ein schneller Blitz bei schwarzgewölkter Nacht,
Ein buntes Feld, da Kummerdisteln grünen,
Ein schön Spital, so voller Krankheit steckt,
Ein Sklavenhaus, da alle Menschen dienen,
Ein faules Grab, so Alabaster deckt» [4].
«Тусклое сияние в тесных границах
Быстрая вспышка молнии в черной ночи
Яркое поле, где зеленеют лишь печальные чертополохи
Хорошая больница, наполненная болезнью
Рабский дом, где все люди прислуживают
Затхлая могила, покрытая алебастром».

Каждый стих этого произведения построен на антитезе: поэт сопоставляет оптимистическое с пессимистическим, идеи *carpe diem*⁴⁸ и *vanitas*⁴⁹. Автор словно дает надежду на то, что не все так плохо, сравнивает жизнь с чем-то прекрасным (*ein Schein, ein buntes Feld*), но сразу же отступает от этой идеи и добавляет эпитеты и метафоры, которые придают всему высказыванию негативную окраску (*ein schnöder Schien, ein buntes Feld, da Kummerdisteln grünen*).

Мотив *vanitas* проходит красной нитью сквозь стихотворение Гофмансвальдау «Радость» (*Lust der Welt*):

«Wir fluchen oft auf dis, was gestern war gethan,
Und was man heute küst, muß morgen eckel heissen,
Die Reimen, die ich itzt geduldig lesen kan,
Die werd ich wohl vielleicht zur Morgenzeit zerreißen» [4].

⁴⁸ Лат. «лови день», «лови момент».

⁴⁹ Лат. «суэта», «тщеславие»; идея об иллюзорности и суетности устремлений человека.

«Мы часто проклинаяем то, что было сделано вчера
И то, что мы целуем сегодня, завтра может казаться отвратительным
Стихотворения, которые я терпеливо пишу сегодня
Завтра наверняка разорву в клочья».

Поэт пишет о непостоянстве человеческих желаний, что подтверждает другая строка: «Man merckt, wie unser Wuntsch ihm selber widerspricht»⁵⁰. Отсюда рождается идея о бессмысленности людских действий и поступков. Автор считает, что только потусторонняя жизнь может доставить радость. Тем самым он приводит человека к другой идее – memento mori: помнить о смерти и быть подготовленным к небесам:

«Wohl diesem, der sich nur den Himmel dinstbar macht,
Weil aus dem Erdenkloß nichts als Verwirrung quillet.» [4].
«Везет тем, кому покоряются небеса
Потому что земная жизнь не приносит ничего кроме хаоса».

В стихотворении «Жалоба на непостоянство счастья» (*Klagelied über das unbeständige Glück*) автор рассуждает, кем же является человек в мире: мяч, по которому бьет злой рок (*ein Ball, den das Verhängnis schläget*), игра случая (*Des Zufalls Spiel*), шутка времени (*ein Schertz der Zeit*), цель горя (*Des Kummers Zweck*), камыш, движимый страхом (*ein Rohr durch Angst bewege*), склад оружия, полный страха и печали (*Ein Zeughauß voller Angst und Leid*). Поэт снова пишет о брэнном бытии, наполненном печалью, что характерно для мотива *vanitas*:

«Des Unglücks Garn will mich nun gantz umschlüssen,
Mein Leben ist ein langer Tod,
Ich bin ein Brunn, aus welchem Thränen flüssen,
Als nasse Zeugen meiner Noth;
Weil der Jammer dieser Welt
Den Sammelplatz in meinem Herten hält» [4].
«Пряжа несчастья теперь хочет полностью заключить меня в свои объятия //
Моя жизнь – это долгая смерть
Я – фонтан, из которого текут слезы
Как мокрые свидетели моего горя
Потому что печаль этого мира
Занимает самое высокое место в моем сердце».

Лирический герой сетует на свою беспомощность и зависимость от Бога. Однако он готов смириться со своим земным существованием и отдаться року:

⁵⁰ «Заметно, как наши желания противоречат друг другу».

«Wer aber kan den Schluß des Himmels stören?
Wer hebt sein strenges Urtheil auf?
Man mus es nur mit gleichen Ohren hören,
Und ihm vergönnen seinen Lauf;
Die Geduld mus hier allein,
Der Sinnen Trost, der Wunden Pflaster seyn» [4].
«Но кто может нарушить заключение небес
Кто может отменить его строгий приговор
Его нужно слушать обеими ушами
И даровать ему свою жизнь
Только терпение может быть
Утешением чувств, пластырем на раны».

Поэт подчеркивает авторитетную роль Господа (Man mus es nur mit gleichen Ohren hören // Und ihm vergönnen seinen Lauf) и раскрывает в этих строках идеи христианского стоицизма⁵¹ (Die Geduld mus hier allein // Der Sinnen Trost, der Wunden Pflaster seyn).

Х.Г. фон Гофмансвальдау продолжает традиции М. Опица, однако его барочная поэзия полна контрастов и эмоциональной насыщенности. Поэт использует мотивы *vanitas*, *memento mori*, *carpe diem*, воплощает в стихотворениях идеи стоицизма, но уже в духе аристократической, прециозной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева, Е. И. Черты позднего барокко в поэзии К. Г. фон Гофмансвальдау (на материале сонета «Описание совершенной красоты») / Е. И. Журавлева // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Гуман. и социал. науки. – Архангельск. – 2012. – № 5. – С. 87 – 91.
2. Козлова, Н. П. Литературные манифесты западноевропейских классицистов / Н. П. Козлова. – М. : МГУ, 1980. – 613 с.
3. Berger, U. Deutsches Gedichtbuch / U. Berger. – Altenburg : VEB Druckhaus «Maxim Gorki», 1967. – 784 S.
4. Literatur: Inhaltsverzeichnis [Electronic resource] / Contumax GmbH & Co. KG, 2024. – Zugriffsmodus : <http://www.zeno.org/Literatur/W/Inhaltsverzeichnis>. – Freigabedatum : 10.04.2024.
5. Meid, V. Die deutsche Literatur im Zeitalter des Barock: vom Spät-humanismus zur Frühaufklärung / V. Meid. – München : C. H. Beck Verlag, 2009. – 984 S.

⁵¹ Представление о жизни как следовании судьбе, року (смиренно-стоическое отношение к жизни, внутренняя стойкость, добродетель, равнодушие к внешним благам).